

В.С. Парсамов

**В ЭТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ¹**

Аннотация. Статья посвящена проблемам формирования университетской этики в России в период Великих реформ. Радикальные изменения, которые происходили в русском университете в этот период, сопровождались поиском новых этических соглашений. Сам факт возможности особой университетской морали не был очевиден для участников событий. Он был тесно связан с другим вопросом – являются ли университеты открытыми учебными заведениями, или же они представляют собой замкнутую корпорацию. В первом случае наличие специфической университетской этики не является обязательным, так как профессора и студенты представляют собой отдельных людей, чье поведение регулируется нормами общественной морали. Во втором случае вопросы этики выходят на первый план, и проблема нравственного воспитания студенчества в корпоративном духе становится одной из важнейших. В статье анализируются различные точки зрения профессоров и общественных деятелей на эту проблему. Теоретические споры по этому вопросу трансформировались в поведенческие тексты и породили сложные психологические коллизии. В статье рассматриваются два типа коллизий. Первый тип – конфликт между корпоративной этикой и правом профессора на собственный выбор гражданской позиции – рассматривается на примере отношений К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. Второй тип – конфликт между корпоративной этикой и правовыми нормами университетской жизни – рассматривается на примере отставки профессора В.Н. Лешикова, организованной в Московском университете Чичериным. Эти конфликты указывают на формирование нового этического пространства русского университета на переломе эпох.

Ключевые слова: университет; этика; профессора; студенты; реформы.

**Парсамов Вадим Суменович – доктор исторических наук
профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», Россия, Москва.**

---

1. Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

E-mail: vparsamov@hse.ru

Web of Science Researcher ID: K-3642-2015

Parsamov V.S. Within the ethical space of the russian university in the great reforms era

Abstract. This study dedicated to the problems of formation the university ethics in Russia during the Great Reforms era. The radical changes that took place at the Russian university during the period were accompanied by the search for new ethical agreements. The very fact of the possibility of a special university morality was not obvious to the participants of the events. It was closely related to another question – are universities open educational institutions, or they are close corporation? In the first case, the presence of specific university ethics is not mandatory, since professors and students are individuals whose behavior is regulated by the norms of public morality. In the second case, ethics issues come to the fore, and the problem of moral students education in the corporate spirit becomes one of the most important. The article analyzes various points of view of professors and public figures on the issue. Theoretical disputes on the issue were transformed into behavioral strategies and gave rise to complex psychological conflicts. The article analyze two types of collisions. The first type is a conflict between corporate ethics and the professor's right to choose his own civil position. It is considered on the example of the relations of professors K.D. Kavelin and B.N. Chicherin. The second type is the conflict between corporate ethics and the legal norms of university life. It is considered on the example of the story of the resignation of Professor V.N. Leshkov, organized at the Moscow University by Chicherin. These conflicts indicate the formation of a new ethical space of the Russian university at the turning point of epochs.

Keywords: university; ethics; professors; students; reform.

Parsamov Vadim Surenovich – Doctor of Sciences, Professor of Higher School of Economics, Russia, Moscow.

E-mail: vparsamov@hse.ru

Web of Science Researcher ID: K-3642-2015

Этическое пространство задается двумя видами текстов: поведенческими, формируемыми в свою очередь жестами и поступками, преследующими нравственные цели, а также вербальными текстами, фиксирующими нравственные нормы и рефлексирующими над поведенческими текстами. Конфликт между этими текстами, расположенными на разных уровнях культуры, неизбежен, уже в силу того, что бытовое поведение человека, регулируемое нравственными нормами, более подвижно и менее предсказуемо, чем сами нормы. В относительно стабильные исторические периоды конфликт этот может протекать незаметно или приобретать характер частных столкновений моральных принципов и аморальных поступков. Примером такого конфликта

может служить хорошо известный и многократно описанный в литературе скандал, связанный с личной жизнью профессора Московского университета Н.И. Крылова [Корсаков 1886, с. 29; Левандовский 1989, с. 175–182; Арсланов 2000, с. 67–68; Петров 1977, с. 105–109; Цыганков 2008, с. 74–78]. Потребовавшие его отставки профессора, осудившие Крылова за грубое обращение с женой и взяточничество (что, впрочем, осталось недоказанным), принадлежали интеллектуально и морально к той же среде, что и их провинившийся коллега. Конфликт касался не вопросов морали как таковой, а ее применения на практике. Во всяком случае у нас нет свидетельств, что Крылов открыто выступал против моральных принципов своей среды, считал их устаревшими, ненужными и т.д.

Эта история произошла в 1848 г. Не прошло и десяти лет, как нравственная атмосфера в русском обществе и соответственно в университетах кардинальным образом изменилась. Начавшиеся в стране «гласность» и «перестройка»² либерализовали общественную мысль и вместе с тем ослабили нравственные нормы, выработавшиеся в условиях последних лет николаевского царствования. В 1840-е годы профессора Московского университета противопоставляли режиму политической несвободы высокие нравственные требования, исходящие из обостренного чувства собственного достоинства. Идеализм его позиции проявился не столько в гегельянстве, как принято считать, сколько в культивировании духовного начала в человеческой личности, в явном предпочтении нравственных ценностей перед материальными благами.

Ослабление политического режима с воцарением Александра II, еще до официального принятия нового устава, изменило ситуацию в университетах. В нашу задачу не входит разбор новшеств, касающихся внешней стороны подготовки и проведения университетской реформы 1860-х годов. Остановимся на нравственной стороне этого процесса. Поколенческие конфликты всегда и везде осложняются моральными переживаниями притом, что содержательная сторона этих конфликтов всегда своеобразна. Так, историки российских университетов 1860-х годов неизбежно останавливаются на общественно-политической и шире общемировоззренческой стороне конфликтов, пронизывающих университетское сообщество. При этом следует отметить, что эти конфликты лишь весьма условно можно назвать поколенческими. Размежевание старого и нового осуществлялось главным образом по идеологической, а не по возрастной оси. В 1863 г. Д.И. Писарев, вспоминая совсем недавнее прошлое, писал: «Молодежь наша очень сильно изменилась в последние три-четыре года. Уже в 1858 и 1859 годах студенты, поступившие в

---

2. Термины той эпохи.

университет, не были похожи на нас, студентов III и IV курсов. Поступая в университет, мы были робки, склонны к благоговению, расположены смотреть на лекции и слова профессоров как на пищу духовную и как на манну небесную. Новые студенты, напротив того, были смелы и развязны и оперялись чрезвычайно быстро, так что через какие-нибудь два месяца после поступления они оказывались хозяевами университета и сами поднимали в студенческих кружках дельные вопросы и серьезные споры» [Писарев 1955, с. 178].

Аналогичное размежевание шло и внутри профессорской корпорации, активно участвовавшей в общественной жизни реформируемой России. Если в поведенческой сфере эти конфликты проявлялись в так называемых студенческих историях, то в печати профессорами широко обсуждался вопрос подготовки и направления университетской реформы. Наибольший резонанс получили студенческие волнения в Петербурге осенью 1861 г. Внешняя сторона этой истории многократно описана и хорошо известна [Гессен 1932; Левин 1958, с. 170–198; Эймонтова 1985, с. 254–265]. Авторы, пишущие на эту тему, обычно основное внимание уделяют мотивациям и действиям студентов. Нас же в данном случае интересуют этические проблемы, возникшие в связи с этим в профессорской среде.

Напомним, что поводом к возмущению послужили, по словам очевидца событий, «начала, утвержденные 31 мая 1861 г. Эти новые начала содержали отмену форменной одежды, что составляло издавна предмет и наших желаний и студентов, запрещение всяких сходок и ограничение числа освобождаемых от взноса за слушание лекций двумя студентами на каждую из губерний, входящих в состав учебного округа. Появление распоряжения 31 мая почти совпало с назначением министром народного просвещения адмирала Путянина и попечителем кавказского генерала Филипсона» [Спасович 1870, с. 317]. Доведение до сведения студентов этих новых правил было вменено в обязанность проректора, который должен был лично под расписку вручить каждому студенту матрикулы³. Приехавший на заседание ученого совета вновь назначенный попечитель Г.И. Филипсон, еще не очень разбиравшийся в университетских реалиях, рассчитывал на помощь профессоров и просил не относиться к нему как к чужому, на том основании, что «мы здесь как в семье» [Спасович 1870, с. 320]. Однако профессора встали на сторону студентов, проявив корпоративную солидарность. Слова попечителя о «семье» повисли в воздухе. Никто из профессоров не пожелал взять на себя должность проректора (с полицейскими функциями), несмотря на «блистательное», по

---

3. Матрикулы содержали новые правила, а также сведения о студенте и служили пропуском в университет. Их получение означало не только право входа в университетское здание, но и служило знаком согласия с вводимыми правилами.

словам В.Д. Спасовича, материальное обеспечение. Последовавшее за этим предложение Филипсона, чтобы сами профессора раздавали студентам матрикулы, вызвало возражения и было поставлено на голосование, которое сразу же обнаружило раскол внутри профессуры: 15 голосов было подано против предложения попечителя и 14 – за. Эти результаты обнаружили важный этический момент. При анализе этой ситуации мы должны, видимо, исключить чувство страха. Эпоха была либеральная: отмена крепостного права, широкое обсуждение реформ в печати и обществе – все это делало независимую гражданскую позицию вполне безопасной, и профессорской карьере данный инцидент ничем не угрожал, тем более что сам Филипсон отказался поддержать своим голосом высказавшихся за его предложение профессоров. Попечитель повел себя не просто порядочно, но и благородно, заявив: «М.м. г.г., я бы мог присовокупить мой голос к 14 голосам, причем бы образовалось 15 голосов против 15, а так как при равенстве голосов председатель дает перевес, то мое предложение прошло бы, но я не желаю пользоваться этим преимуществом и находя, что мое предложение не нашло в Совете поддержки, доложу о случившемся министру» [Спасович 1870, с. 327].

Итак, решался вопрос о роли и характере русской профессуры: являются ли профессора чиновниками на государственной службе, и тогда решения правительства, даже в случае несогласия с ними, становятся для них обязательными, или же профессора связаны со студентами не только учебным процессом, но и нравственными отношениями, и тогда даже в случае несогласия с действиями студентов они должны отстаивать перед правительством их интересы? Позиция профессоров, проголосовавших за вручение матрикул, была простой и в общем понятной. Позиция голосовавших против осложнялась тем, что профессора в своем большинстве не одобряли уличных беспорядков, устраиваемых студентами, но в то же время они не одобряли полицейских мер, применяемых правительством. С наибольшей четкостью это мнение выразил В.Д. Спасович в своей речи на Университетском совете: «Я полагаю, что обязанности наши не ограничиваются только чтением лекций и производством испытаний, что мы имеем и другие, нравственные обязанности». Спасович потребовал, чтобы наказание на студентов, виновников беспорядков, было наложено университетским судом. Мотивировал он это тем, что «мы имеем весьма важное преимущество перед нашим правосудием: добросовестность и честность», и что «нас никто не заподозрит в желании дать происшествию преувеличенные размеры. Нами будет руководить чистейшая любовь к истине во всей ее простоте» [Спасович 1870, с. 328–329]. Но при этом профессора, вставшие на сторону студентов и отказавшиеся подчиняться правительственным распоряжениям, вынуждены были подать в отставку, но не по политическим соображениям, как это обычно трактуется в литературе, а по моральным. Это была вполне добровольная и при этом не

демонстративная отставка: «Не желая, чтобы наш выход имел вид демонстрации, мы решились подать наши прошения не разом, а поодиночке» [Спасович 1870, с. 340]. В октябре в отставку подали К.Д. Кавелин и В.Д. Спасович (перешел в училище правоведения), в ноябре Петербургский университет покинули М.М. Стасюлевич, Б.И. Утин и А.Н. Пыпин. Последним в отставку ушел ректор П.А. Плетнев.

Вопрос об университетской этике как особом нравственном пространстве был тесно связан с другим вопросом – являются ли университеты открытыми учебными заведениями, или же они представляют собой особую замкнутую корпорацию профессоров и студентов? В первом случае наличие специфической университетской этики не является обязательным, так как профессора и студенты представляют собой отдельных людей, чье поведение регулируется нормами общественной морали. Во втором случае вопросы этики выходят на первый план, и проблема нравственного воспитания студенчества в корпоративном духе становится одной из важнейших.

На практике это предполагало несколько вариантов решения. Один из них, видимо наиболее простой, был предложен самим министром просвещения Е.В. Путяниным и состоял «в том, чтобы преобразовать университеты в закрытые заведения наподобие английских, с тьюторами, сожительством студентов, и разными иными затеями аристократического английского воспитания, переложенными на скорую руку кое-как на наши нравы» [Спасович 1870, с. 341].

Второй, прямо противоположный, путь был предложен петербургскими профессорами. Новое студенчество, заполнившее университетские аудитории в конце 1850-х годов, стало головной болью не только правительства, но и профессоров. Если Путянин стремился почти полностью отгородить студенчество от общества и превратить университеты в подобие Царскосельского лицея, то ряд профессоров предложил и нечто совершенно противоположное – растворить студенчество в остальном обществе, открыв двери университетов всем желающим. Эти проекты стали активно обсуждаться в прессе осенью 1861 г.

Полемика была спровоцирована публикацией в газете «День» статьи покойного А.С. Хомякова «Об общественном воспитании в России». Написанная в 1850 г. по просьбе А.Д. Блудовой, эта статья в защиту университетов и против цензуры по понятным причинам не могла быть опубликована в условиях «мрачного семилетия». Но она сохранила свою актуальность в преддверии университетской реформы 1860-х годов, поэтому ее публикация вызвала живое обсуждение. Хомяков настаивал на открытости российских университетов: «вход на лекции должен быть открыт *всем* без исключения». Для него это было требованием «нравственной справедливости», так как «в университетах <...> главный двигатель всеобщего просвещения». Под просвещением

Хомяков в данном случае понимал образование плюс воспитание, которое «не начинается школою <...> и не кончается ею» [Хомяков 1988, с. 326]. Университет, хоть и представляет собой «высшее из всех государственных училищ» и «определяет значение всех остальных» [Хомяков 1988, с. 320], является всего лишь звеном в широком деле общественного воспитания, главная роль в котором отводится книгопечатанию (поэтому цензура недопустима) и самому обществу. На университеты Хомяков смотрит со стороны. Его позиция – это позиция гражданина, переживающего за «весьма низкий уровень» просвещения в России. Вопросы организации внутреннего пространства университета его интересуют гораздо меньше нравственной роли в жизни всего общества. Следует учесть, что статья Хомякова писалась на фоне циркулирующих слухов о закрытии университетов и ее целью было разъяснить гибельность этого шага.

Начавшиеся в стране реформы и возросшая роль университетского образования в жизни русского общества, не только подтвердили мысли Хомякова, но и сделали необходимым продолжить начатый им диалог. Профессор русской истории Петербургского университета Н.И. Костомаров выступил в поддержку хомяковской идеи открытости университетов и их широкой просветительской функции. Но при этом система аргументов у него была совершенно иная, чем у Хомякова. Костомаров смотрит на университет изнутри и в этом его позиция принципиально отличается от хомяковской. Если Хомяков соединяет воспитание и образование в общее понятие просвещения, то Костомаров, наоборот, противопоставляет их как два этапа единого процесса. По его мнению, образование начинается тогда, когда воспитание уже закончено. Воспитанием занимаются школы, а образованием – университеты. Просвещение понимается как конечная цель образования и ставится Костомаровым в один ряд с благосостоянием общества.

Но различие их подходов объясняется не только этим. Хомяков писал в условиях, когда перед русскими университетами стоял вопрос жизни или смерти. Поэтому он доказывал, что их закрытие приведет к разрушению всей образовательной системы. В новых условиях, в которых писал Костомаров, речь уже шла о направлении дальнейшего развития университетского образования и совершенствовании самой университетской организации. Причины неудовлетворительного состояния российских университетов Костомаров видит в самой университетской корпорации, противоречащей требованию открытости. Аргументируя это тем, что «наш русский народ не терпит ненужной корпорации» [Костомаров 1861, с. 1306], Костомаров прибегает к авторитету покойного Хомякова для развития этой мысли: «Вот Хомяков, человек вполне русский (в этом трудно сомневаться), говорит совсем не то: он хочет даже, чтоб все учебные заведения вообще были открыты и чтоб экзамены производились публично. Мы вполне сочувствуем этому, по собственным

нашим наблюдениям» [Костомаров 1861, с. 1306]. Главная мысль Костомарова заключалась в том, что университетское сообщество не может представлять собой корпорацию на том основании, что корпорация имеет внутреннюю этическую ценность и, по сути дела, является воспитательным учреждением, что никак, по его мнению, не вяжется с образовательной ролью университета. Кроме того, корпорация, как полагает Костомаров, «в *нравственном отношении* даже вредна, ибо она отрывает слушателей от остального общества» [Костомаров 1861, с. 1306].

Нетрудно заметить, что подтекст костомаровской статьи был направлен против все еще действующего устава 1835 г. Согласно этому уставу и вообще университетскому законодательству николаевской эпохи, в университетах преобладала полицейско-воспитательная система, включающая в себя университетскую полицию, должность инспектора по нравственной и учебной части; студенты должны были носить форму и вне университета и отдавать честь военным [Сравнительная таблица 1901, стб. 83; Рождественский 1902, с. 259; Новиков, Перфилова 2012, с. 11–20].

Такого рода корпоративность отсылала не к немецкой традиции университетской автономии, на которую, по понятным причинам, ссылался Костомаров, а к практике николаевского царствования. Но корпоративность подразумевалась и более либеральным уставом 1804 г., где она ясно соотносилась с аналогичным устройством германских университетов. Таким образом корпоративность российских университетов могла ассоциироваться и с авторитарным режимом, и с академическими свободами. Однако последний аспект в сознании университетского сообщества был несколько скомпрометирован отсылками к «средневековым предрассудкам». Поэтому профессор всеобщей истории М.М. Стасюлевич, возражая Костомарову, защищал «средневековые» устройства, и доказывал, что в основе организации российских университетов лежит не корпоративность, а идея общинности: «У нас в основе лежит *мирь*, а не корпорация» [Стасюлевич 1861, с. 1325]. Эпиграфом к своей статье ученый поставил слова Горация «*Naturam expelles furca, tamen usque recurret*»⁴, подчеркнув тем самым природно-национальный характер общинного устройства российских университетов. Стасюлевич предлагает избавить университетскую среду от полицейской опеки и организовать университетскую жизнь по принципу русской общины со своим судом и студенческими сходками.

Правда, в самой статье о студенческих сходках открыто не говорилось, что было невозможно в условиях, когда правительство именно в сходках видело очаги студенческих беспорядков. Но мысль о сохранении их как института

---

4. *Гони природу в дверь, она войдет в окно (лат.)*

студенческой жизни разделялась многими петербургскими профессорами. Кавелин в своей неопубликованной в то время «Записке о беспорядках в С.-Петербургском университете», написанной 1 октября 1861 г., поддержал студенческие сходки как проявление «национального общественного устройства» и предложил правительству сохранить их на том основании, что «они принесли бы и молодым людям, и правительству, и обществу несомненную, существенную пользу; они приучили бы и молодых людей, до вступления их в действительную жизнь, к строгой отчетности и ответственности, к чему так мало приучены мы теперь даже в зрелом возрасте» [Кавелин 1898, стб. 1194].

Эта же идея, правда, значительно позже, уже в эпоху «Вестника Европы», была поддержана В.Д. Спасовичем, обратившим внимание на национальный характер русских университетов: «С.-петербургский университет в том виде, в каком он существовал до крушения его в 1861 году, был университет не немецкий, не французский, не английский, но свой, оригинальный, русский, такой, каким его создали потребности общества» [Спасович 1870, с. 341]. Национальным русский университет, по мнению Спасовича, делала общинность его устройства. Сама идея открытого университета, которая к тому времени уже полностью провалилась, представляется Спасовичу сомнительной с нравственной точки зрения, в том смысле, что он видит в ней слишком легкое решение, прикрытое «дешевым либерализмом точно лаком» [Спасович 1870, с. 342]. Открытый университет одновременно устраивал и правительство, так как это избавляло его от студенчества, и профессоров, не дорожащих традициями, так как это снимало с них нравственную ответственность за студентов. Но при этом открытый университет не был и не мог быть университетом в строгом смысле этого слова. Спасович, зная профессорскую среду изнутри, очень точно подметил стремление Костомарова и поддержавших его в печати коллег, подменить нравственные вопросы университетской жизни широким просветительским проектом. Это был тот случай, когда просвещение ассоциировалось не с нравственностью, а со стремлением избавиться от моральной ответственности.

Тем не менее в начале 1860-х годов эта идея была весьма популярна не только среди профессоров, но, видимо, и среди студентов. Двадцатидвухлетний Н.П. Барсов, только что закончивший историко-филологический факультет Петербургского университета, также вступил в полемику, защищая идею открытости высшего образования. Полагая, что «самовоспитание человека зависит более от него самого, чем от общества» [Барсов 1861, с. 1347], Барсов присоединился к Костомарову. По его мнению, университет не просто должен быть свободным и открытым, он должен быть лишен каких бы то ни было априорных форм и представлять собой «своего рода *tabula rasa*, на которой крупными буквами напишется все лучшее и благородное русской национальности» [Барсов 1861, с. 1347].

Фактически и Костомаров, и Барсов представляли себе русский университет по аналогии с парижским Коллеж де Франс, где профессора читают публичные лекции для всех желающих. При этом Коллеж де Франс, играющий важную роль в интеллектуальной жизни Франции, не был университетом ни по названию, ни по сути. Эту функцию выполняла расположенная рядом с ним Сорбонна, что, разумеется, не случайно, так как само учебное заведение подобного рода являлось альтернативой и одновременно дополнением к классическому университетскому образованию. То, что сосуществовало во Франции, применительно к России приобретало альтернативный характер. Экстраординарный профессор Санкт-Петербургского университета М.И. Сухомлинов прямо писал: «Мы вовсе не отрицаем необходимость Сорбонны, но говорим, что в настоящую минут нам необходим Collège de France» [Сухомлинов 1861, с. 1348].

Предпочтение просветительского заведения типа Коллеж де Франс университету в России фактически привело бы к исчезновению традиционного университетского образования. На это сразу же обратил внимание анонимный автор статьи в «Современной летописи» «Русского вестника», издававшихся М.Н. Катковым. Предположительно автором статьи был профессор физики Московского университета Н.А. Любимов. Впрочем, им мог быть и сам Катков [Достоевский 1979 с. 341]. Катковская газета однозначно высказалась за сохранение университетской корпорации, так как именно в ней заключается сама сущность университета. При этом автор не настаивает на самом термине «корпорация» и даже согласен заменить его более русским вариантом – артель⁵. Но дело, конечно, не в словах, а в сути. Наличие на Руси артелей делает, по мнению автора, возможным пересадку такого явления как европейский университет на русскую почву. Университет невозможен без студенчества: «уничтожая студенчество, вы убиваете университет». Под студенчеством в данном случае понимается не совокупность студентов, а особым образом организованный мир университетских слушателей, со своей жизнью, своими нравственными устоями и традициями. Но студенчество является лишь частью университетской корпорации. Вторую часть составляет профессура, связанная со студентами едиными моральными нормами. Это единство проявляется в отсутствии жесткой границы внутри университетского сообщества. Его внутренняя связь – это естественная связь поколений, через которые передаются университетские традиции: «Оканчивающие курс должны действовать на нововступающих; окончившие курс на оканчивающих, и так далее до профессоров. Между всеми должны быть взаимные связи,

---

5. Иностранное происхождение слова «артель» (то ли из турецкого, то ли из итальянского языка), видимо, уже не ощущалось автором статьи. Само существование артелей еще в допетровской Руси делало это понятие вполне национальным.

и в этих связях должны быть степени, от профессора до нововступающего студента» [Вопрос об университетах 1861, с. 13]. Таким образом, университетская корпорация – это этическое пространство со своими нормами и границами. Какова цель существования этого пространства, или, иными словами, что является высшим благом для его обитателей? Автор отвечает на этот вопрос вполне определенно – *наука*: «Сказав *наука*, мы произнесли последнее слово всякой университетской реформы. Корпорация есть только внешняя форма, ограждающая прочность университета. Дух, который должен жить в этой корпорации, есть дух науки. Этот дух должен соединять и профессоров, и студентов; этот дух должны профессора передавать студентам; без этого духа неизбежное студенческое товарищество не может явиться в своей правильной, естественной форме» [Вопрос об университетах 1861, с. 15].

Компромиссную позицию занял А.С. Воронов, писавший под псевдонимом Педагог. Как и автор статьи в «Современной летописи», Воронов считает главной задачей университетов распространение науки. А поскольку наука доставила Европе «колоссальное могущество, растущее, как сказочный богатырь, не по дням, а по часам», то от цветущего состояния университетов зависит «процветание самого государства». Правда, вопрос о достижении «цветущего состояния» Воронов решает иначе, чем автор «Современной летописи». Он выделяет не одну, а две корпорации в университетах: профессорскую и студенческую. Первая полезна, так как «только полное собрание ученых, взаимно дополняющих друг друга, подвергающихся взаимному контролю, действующих по одному, сообща обдуманному плану, может доставить науке и достаточную гарантию» [Педагог 1861, с. 1384]. Студенческая же корпорация вредна, так как отвлекает студентов от учебы, которая должна стать единственным занятием студенчества: «Учиться, учиться и учиться – вот, что должно быть девизом наших студентов» [там же].

Преподавание науки – дело коллективное, а ее изучение – индивидуальное, и что самое главное – свободное. Студентов нужно лишить корпоративных связей и предоставить им полную свободу как от посещения лекций, так и от переводных экзаменов. Парадоксальность такого решения обосновывается тем, что постигать науки насильственным путем невозможно. Но предоставляя свободу во время учебы, профессора должны будут спрашивать на выпускных экзаменах «с усиленною строгостью». Любопытно, что формальная необязательность требований к студентам, перемещает учебный процесс из области дисциплины в сферу этики и из внешнего обязательства превращает его в добродетель. Эти мысли получили развитие в статье экстраординарного профессора ботаники Петербургского университета А.Н. Бекетова. Подтвердив, что «не следует заставлять учиться в университетах насильственными педагогическими методами» [Бекетов 1861, с. 1403], Бекетов в качестве стимулов для учебы предложил: высокое качество профессорских

лекций, строгость выпускных экзаменов и особое доверие общества к человеку с университетским дипломом.

На утопичность этой идеи указал в своей статье И.М. Ястребцов. Свою статью он полемически назвал «Несколько слов о не-университетах». С его точки зрения, вопрос об университетском образовании тесно связан с вопросом о нравственном состоянии среды, которая окружает выпускников университетов. Ястребцов рисует яркую картину условий, в которые попадает молодой выпускник университета, приехавший в провинцию, где «того нет, другого нет; владелец дома, где он нанимает квартиру, может быть давно уже требует денег за нее; между тем, как кругом его, кажется, везде довольство и роскошь, у него одно изобилие – ученических тетрадей для исправления; умственного поощрения, литературных толков и суждений, симпатической поддержки – ни с какой стороны – и он, если не имеет особенной силы в душе, мало-помалу опускается». Вместо реформирования университетской системы, Ястребцов предлагает начать с того, чтобы сделать условия учительского труда комфортными и думать не о контроле над учителями, к чему призывал Костомаров, а о том, как «устроить независимость их состояния и щедро обеспечить их будущность» [Ястребцов 1861, с. 1406].

В том же духе, что и Ястребцов, оценил споры по университетскому вопросу и Ф.М. Достоевский на страницах своего журнала «Время». По мнению писателя, создать нравственный университет в безнравственном обществе невозможно: «Университет тесно связан с организмом всей земли нашей, как неотъемлемая часть ее. Следственно, болезни всего организма – его болезни, процветание всего организма – и его процветание. Если все тело здорово – и он здоров; если же оно больное, то нельзя вылечить, например, один только нос» [Достоевский 1979, с. 203]. С университетами происходит то, что происходило и с русской литературой и вообще с русским европеизмом. Искусственно пересаженные на русскую почву они постепенно стали осознавать себя «частью живого организма всей России». В самом факте бурной полемики вокруг университетов Достоевский видит начало роста университетского самосознания и ассимиляции европейского университета на русской почве. Но пока это самосознание не вышло за пределы университета, пока оно не стало частью национального самосознания, пока в самом обществе не созрели представления о высоком значении университетского образования все попытки реформировать университет изнутри будут разбиваться о национальный строй российской действительности, потому что в России «в действительную жизнь наука еще не перешла, и ее покамест не требуется». Этим объясняется и «жалкая судьба» русских учителей и врачей. «Даже профессор, даже, наконец, адепт всякой другой науки, способен просто забыть ее хотя бы через одну только апатию, не говоря уже о других неудобствах» [Достоевский 1979, с. 204]. Общественное равнодушие к науке и апатия пробираются

и в университеты, ослабляют «духовную корпорацию учащихся» и профессоров, именно потому, что их корпорации не связаны с действительностью. В самих проектах университетских реформ с их стремлением «сейчас же ломать и перестраивать сызнова» Достоевский видит «многозначительный и отчасти грустный факт. Значит, мы не прижились ни к чему, ничего еще не ценим, ко всему своему равнодушны, ничего нам не мило, свой угол постыл, ничего мы не растили, ничего не поливали, были какими-то наемщиками, а не деятелями» [Достоевский 1979, с. 206].

В Европе университеты возникли и созревали в недрах общества, само общество их «растило» и «поливало». Само понимание общественной важности университетов обеспечивает там их тесную связь с жизнью. В России все наоборот. Общество должно нравственно дорасти до понимания значимости университетов. Поэтому Достоевский, человек не связанный непосредственно с университетом, включился в полемику по университетскому вопросу со стороны общества и показал, как само общество будет вносить коррективы и фактически сводить на нет многие выдвигаемые профессорами проекты.

* * *

Эти споры, трансформируясь в поведенческие тексты, порождали сложные коллизии и межличностные драмы. Наиболее ярким примером может служить разрыв отношений между К.Д. Кавелиным и его учеником Б.Н. Чичериным. Лично Кавелина Чичерин, по его словам, «искренне уважал и любил» [Чичерин 2010, с. 47]. Но в 1861 г. в результате различия взглядов на студенческие волнения они окончательно разошлись причем не столько по политическим, сколько по нравственным убеждениям. Оба они считали отмену крепостного права важнейшим событием, определяющим собой эпоху, и были благодарны правительству за эту реформу. Но Кавелину это не мешало ощущать себя членом университетской корпорации и смотреть на действия правительства не только с общегосударственной, но и с узко корпоративной точки зрения. Во время студенческих волнений в Петербурге он, как и ряд его коллег по университету, встал на сторону студенчества и выступил с критикой правительства. По его мнению, министерство, «действуя круто и резко, не допуская никаких переходных мер, обессилило и охладило профессоров и довело студентов до сосредоточенного отчаяния. Безурядица и хаос университетской администрации довершил остальное» [Кавелин 1898, стб. 1203].

Кавелин возглавил профессорскую оппозицию министерским чиновникам, был «так сказать застрельщиком» [Спасович 1898, стб. XXI]. Он настаивал на том, что профессора в случае поддержки правительства лишатся нравственного авторитета в студенческой среде, и это будет изменой

университетской корпорации. Корпоративная солидарность ему казалась важнее политической конъюнктуры. Позиция Чичерина и его московских коллег была иной. Они также не одобряли введения платы за обучение и матрикουλ, против чего, собственно говоря, и восстали студенты, но при этом не считали себя вправе становиться на их сторону. Чичерин видел в студенческих беспорядках посторонние влияния, в первую очередь Чернышевского и его сторонников, стремившихся внести в студенческую среду дух революционной борьбы. Кроме того, он полагал, что правительство, доказавшее свой либерализм освобождением 20 млн крестьян от двухвекового рабства, должно жестко действовать против сил, вносящих хаос в общественную жизнь. Современное положение вещей Чичерину рисовалось в следующем виде: «Сверху на Россию сыпались неоченимые блага, занималась заря новой жизни, а внизу копошились уже расплодившиеся во тьме прошедшего царствования гады, готовые загубить великое историческое дело, заразить в самом корне едва пробивавшиеся из земли свежие силы» [Чичерин 2010, с. 14]. К тому же Чичерин видел, что не все студенчество, а только в основном первокурсники, развращенные революционно-демократической пропагандой, участвуют в беспорядках. Старшекурсники были настроены более консервативно и ответственно. Но петербургская профессура во главе с Кавелиным, казалось, не замечая раскола в студенческой среде, поддерживала наиболее радикальных из них, и не столько потому, что разделяла их взгляды, сколько потому, что стремилась сохранить свое «нравственное влияние» в университетской среде.

Такая позиция петербургских коллег Чичерину казалась безнравственной и безответственной. 28 октября 1861 г. он читал в Московском университете вступительную лекцию в курс государственного права. Эта лекция являлась иллюстрацией его политической программы – «либеральные меры и сильная власть». Он говорил о роли правительства, проводящего реформы и действующего в интересах всего государства, о том, что только «непростительное легкомыслие» и «близорукая пошлость», под которыми явно понимались бунтующие студенты и их подстрекатели, могут заниматься критикой тех злоупотреблений и ограничительных мер, которые являются временными и объясняются неизбежными трудностями, связанными с обновлением жизни. Текст этой лекции, опубликованный в «Московских ведомостях», получил высокую оценку Александра II, что, конечно же, не прибавило Чичерину популярности в университетской среде. Более того, он выступил в печати в защиту университетов, но не от правительственных мероприятий, а от самих профессоров, стремящихся использовать студенческие беспорядки для разрушения системы университетского образования. «Университетам, – писал Чичерин – нужно не столько преобразование, сколько поддержка, а прежде всего нужны осторожность, уважение и любовь» [Чичерин 2010, с. 39].

В этическом отношении позиция Чичерина была очень сложной. Он выступал за сохранение «нравственного духа» университета, и в то же время шел против корпоративной университетской этики. С точки зрения Чичерина, это была позиция честного человека, имеющего мужество выступить в защиту либерального правительства, подвергаясь атакам своих коллег и рискуя собственной репутацией. Но со стороны университетской корпорации такая позиция выглядела как ренегатство, что и спровоцировало разрыв отношений между учителем и учеником. Инициатором разрыва стал Кавелин, отправивший Чичерину письмо, в котором, несколько утрируя, но по сути верно излагая его позицию, писал: «Восхваляйте правительство, громите пустозвонов, сколько вам угодно <...> продолжайте смотреть на студентов как на негодных мальчишек, достойных розог, и на глухое недовольство против правительства как на дело невежества, легкомыслия и бретерства. Только, бога ради, не думайте ни одну минуту, чтоб я мог сколько-нибудь Вам сочувствовать» [Чичерин 2010, с. 45]. Не сдерживая раздражения, Кавелин позволил себе оскорбительные намеки на небескорыстные позиции Чичерина: «Неужели Вы думали, что, благословляя и одобряя правительственные распоряжения и бросая гром и молнию против порицателей правительства, Вы не будете занесены, в том или другом виде, в список кандидатов на Анну на шею?» [Чичерин 2010, с. 47].

В своем ответе Чичерин еще раз попытался донести до своих критиков, что «всякий разумный и либеральный человек не обязан ли глубокою благодарностью правительству, освободившему крестьян?» [Чичерин 2010, с. 47]. Вряд ли об этом нужно было напоминать Кавелину, принимавшему непосредственное участие в деле освобождения и прекрасно понимавшему высокий смысл этой реформы. Политические разногласия Кавелина и Чичерина касались второстепенных вещей и не мешали им вести продуктивный диалог. Но этот диалог был прерван и в дальнейшем оказался невозможен именно по этическим причинам. Корпоративная этика столкнулась с общечеловеческим правом иметь независимое от социальных отношений мнение и открыто его высказывать.

В другом случае, произошедшем с Чичериным в Московском университете, мы видим столкновение корпоративной этики, но уже не с общечеловеческими моральными принципами, а с правовыми нормами. Вопрос касался увольнения профессора международного права Московского университета В.Н. Лешкова. Лешков прослужил в университете 30 лет, был деканом и имел звание заслуженного профессора. Он был одним из «уваровских» стипендиатов, прошедших во второй половине 1830-х годов длительные стажировки (фактически обучение) в Германии, прекрасно знал свой предмет, много публиковался и имел не только научное, но и общественное признание. Однако его взгляды, окрашенные в славянофильские тона, были чужды профессорам-

западникам, среди которых в Московском университете тон задавали С.М. Соловьев и Б.Н. Чичерин. Их характеристики Лешкова как «бездарного и тупого» [Соловьев 1983, с. 298], читавшего студентам «изумительную чепуху» [Чичерин 2010, с. 128] современный исследователь и издатель Лешкова не без оснований называет «клеветническими» [Каплин 2010, с. 25]. В декабре 1865 г. у Лешкова закончился пятилетний срок пребывания в должности декана и профессора. Чичерин сумел организовать его провал на выборах на следующий срок. Правда, провал этот был не слишком убедителен. Лешков не получил всего один голос: 25 против 13 при необходимости двух третей. Причем ситуация была не совсем простой. Лешков и его коллега Менщиков, у которого также закончился срок, не присутствовали на голосовании, но передали свои голоса коллегам. Однако Чичерин убедил ректора, что передача голосов в данном случае невозможна, иначе Лешков, как выяснилось позже, прошел бы. Последнее обстоятельство дало основание профессорам, голосовавшим за Лешкова, и представляющим большую часть профессорской корпорации обратиться к попечителю Д.С. Левшину за разъяснением, имеют ли право голоса в совете профессора, у которых закончился срок. Левшин решил вопрос в пользу Лешкова и вышел с соответствующим представлением к министру. Министр народного просвещения А.В. Головнин, чья честность, кстати сказать, у Чичерина не вызвала сомнений, решил вопрос также в пользу Лешкова. Комментируя это решение министра, Чичерин писал: «Это было нечто чудовищное, неслыханное. И закон, и здравый смысл, и практика всех учреждений, все беззастенчиво попиралось ногами, и для чего? Для того, чтобы сохранить в университете никуда не годного профессора, которого всякий человек, имеющий малейшее понятие о народном просвещении, рад был бы сбить с рук при первом удобном случае» [Чичерин 2010, с. 131]. Раздражение Чичерина, потерпевшего неудачу в своей затее, можно понять, особенно, если учесть, что вместо Лешкова его уже успели выбрать деканом⁶. Но столь же очевидно и стремление Головнина поступить по совести, а не по букве закона, пойти навстречу профессорской корпорации и отстоять заслуженного профессора, отдавшего Московскому университету 30 лет жизни. Позиция Чичерина любопытна тем, как он играет соотношением права и этики: «Молчать при таком вопиющем нарушении закона мы считали неприличным и недостойным университета» [там же]. Было ли нарушение закона *вопиющим*, пусть остается на совести писавшего, но ничего *неприличного* и *недостойного* университета в стремлении профессоров сохранить своего коллегу не было. Однако Чичерину важно было представить себя и

---

⁶ То, что ему «этот выбор был неприятен» мы знаем только с его слов, не подтвержденных никакими действиями с его стороны.

своих сторонников не только как блюстителей университетского устава, но и как поборников корпоративной нравственности. Фактически речь шла о том, кто представляет университет: либеральная профессура западнической ориентации или профессора, защищающие своего коллегу от политических нападков его идейных противников?

Следующим этапом конфликта стало выступление Чичерина на Университетском совете 12 мая 1866 г., в котором он обвинил ректора, стремящегося погасить скандал, в нарушении университетского устава и заявил о своем стремлении «представить это дело на усмотрение начальства». Профессор гражданского права В.Н. Никольский назвал это доносом, в чем был поддержан ректором. Произошла сцена, красочно описанная самим Чичериным: «Я попросил занести это (т.е. слово “донос”) в протокол. Никольский продолжал, несколько более сдерживаясь в своих выражениях, но таким же запальчивым тоном. После него заговорили все разом; поднялся невообразимый шум, среди которого ректором было предложено не принимать моей бумаги. Профессора, в знак согласия, вскочили со своих мест. Я молчал; видя, что бумагу не хотят принимать, я спокойно положил ее в карман, думая, что все равно я подам ее прямо попечителю, но тут опять поднялся страшный гвалт, в котором я ничего не мог разобрать. Вокруг ректора стояла толпа, которая обращалась ко мне с какими-то требованиями, крича во все горло, как пьяные мужики в кабаке, а я только делал знаки, что не понимаю, чего от меня хотят. Тут Дмитриев⁷ не вытерпел: обращаясь к профессору хирургии Басову, который вопил громче всех, он сказал: “Да полноте орать!” Тогда на него из толпы посыпались ругательства, а Матюшенков устремился на него с поднятыми кулаками, но к счастью был удержан другими. Наконец, кто-то подошел ко мне и объяснил, что хотят, чтобы я отдал бумагу с тем, чтобы возвратить мне ее с надписью. Я тотчас ее отдал, ибо не имел причины ее держать. Совет кончился невообразимым хаосом. Это был неслыханный в летописях университета скандал» [Чичерин 2010, с. 142].

По сути дела, вопрос сводился к тому, имеет ли моральное право член университетской корпорации идти против своих коллег и подавать жалобу на их решения правительству. Ректор и большинство членов Совета считали это неэтичным. К ним присоединился и П.М. Леонтьев, профессор-античник, человек близкий к правительственным сферам, издававший вместе с Катковым «Московские ведомости». Леонтьев, по словам Чичерина, «являлся в Совет только в важных случаях». Именно таким оказался данный случай, и ректор, видимо, пригласил его как влиятельного журналиста для консультаций. «Леонтьев, – продолжает Чичерин, – встал и объявил, что моя записка

---

⁷ Федор Михайлович Дмитриев – профессор истории права. В этом конфликте был на стороне Чичерина.

содержит в себе неприличные и непозволительные заявления» [Чичерин 2010, с. 147]. Когда же Чичерин попытался донести до Леонтьева бурную и неприличную реакцию на его выступление в совете 12 мая, ректор и остальные члены совета обвинили его во лжи. «Я увидел, – пишет Чичерин, – что тут был формальный заговор. Это была уже не толпа пьяных мужиков, галдящих в кабаке, а шайка мошенников, которая решила наглостью и бесстыдством прикрыть свои проделки и с невозмутимым цинизмом заявляла прямо в глаза, что ее не уличишь, потому что все готовы лжесвидетельствовать» [Чичерин 2010, с. 148].

Поведение коллег Чичерину представляется глубоко непорядочным, оскорбляющим и унижающим его достоинство. С чисто формальной точки зрения он прав. Университетским сообществом был нарушен университетский устав, причем попечитель, министр и влиятельный общественный деятель Леонтьев незаконно встали на сторону университета. Но с точки зрения корпоративной этики позиция Чичерина вряд ли представляется безупречной. Его стремление убрать из университета коллегу, не вызывающего у него симпатий, давать ему несправедливо уничижительную характеристику, идти против большинства, вставшего на защиту этого профессора и сумевшего убедить в этом попечителя и министра, а главное доносить до правительства внутриуниверситетские распри (выносить сор из избы) – все это было явным нарушением неписанной морали. Не желая замечать возникшего противоречия между формальным правом и этикой, Чичерин начал обвинять своих коллег в грубом нарушении не только университетского устава, но общечеловеческой морали.

Пока тянулась эта история политическая ситуация в стране изменилась. В апреле 1866 г. Каракозов стрелял в Александра II. Это привело к отставке А.В. Головина. Теперь уже новый министр Д.А. Толстой должен был рассматривать жалобу Чичерина на университет. Чичерину и его сторонникам, которые были «люди известные и в литературе, и в обществе, и при дворе» [Чичерин 2010, с. 152], удалось оказать влияние на Толстого и привлечь на свою сторону попечителя Левшина, но за университет вступилась влиятельная газета «Московские ведомости». Толстой, опасаясь за собственную репутацию, отступился, и дело было закрыто. Здесь любопытно то, что Чичерин, глубоко презиравший Толстого, полагавший, что он принес России столько же вреда, сколько Чернышевский и Катков, не считает бесчестным искать у него поддержки в деле чести, рассчитывая при этом не на справедливость как таковую, а на свои связи в обществе и при дворе. После того, как попытка воздействовать на Университетский совет при помощи правительства не удалась, Чичерин, С.М. Соловьев, И.К. Бабст, М.Н. Капустин, С.А. Рачинский и Ф.М. Дмитриев подали в отставку. Эта отставка по своему характеру была противоположна отставке петербургских профессоров в 1861 г., о чем речь

шла выше. Тогда причиной отставки стало нежелание правительства считаться с университетской корпоративностью и стремлением правительства навязать профессорам полицейские функции. Здесь ситуация была обратной, т.е. правительство встало на сторону университетской корпорации. В отставку вышли профессора недовольные сложившимися внутри университета нравственными отношениями. Юридически их позиция была безупречной: и университетское сообщество, и правительство со всей строгостью должны соблюдать университетский устав. Но если учесть, что сама причина конфликта (изгнать из университета профессора, явно этого не заслужившего) весьма сомнительна с нравственной точки зрения, то вся эта история может служить примером противоречия, возникшим между правом и этикой. И характерно, что ни одна из сторон конфликта не замечала этого противоречия, обвиняя друг друга в безнравственном поведении.

На рубеже 1850–1860-х годов происходит резкая смена нравственных ориентиров, как в обществе в целом, так и в университетском сообществе. Либерализация общественной жизни, вызванная подготовками и проведением реформ, имела оборотную сторону – ослабление нравственных норм. Российские университеты, освободившись от правительственной опеки николаевского царствования, столкнулись с совершенно новыми проблемами. То, что русский университет нуждается в реформе, было ясно всем: и правительству, и профессорам, и студентам. Но, как всегда, вопрос о темпах и радикальности необходимых изменений вызывал острые конфликты.

Сложившаяся в историографии традиционная интерпретация этих конфликтов как политического треугольника: *реакционное правительство – революционное студенчество – либеральная профессура*, далека от реальности. На первый план, как показывают источники, выходили нравственные проблемы взаимоотношений: между профессорами и правительством, между профессорами и студентами и внутри профессорской корпорации.

То, что профессора не были согласны с некоторыми правительственными решениями (повышение платы за образование, введение матриклов и т.д.) никак не сказывалось на их в целом одобрительном отношении к правительственным реформам. Это были частные разногласия, которые легко было бы уладить, если бы они не касались этических проблем. По сути вопрос сводился к тому, является ли профессор членом университетской корпорации или же он чиновник на царской службе. Была еще и третья точка зрения, которую разделял Чичерин: профессора образуют корпорацию, но они благодарны правительству за отмену крепостного права и поэтому готовы закрывать глаза на его отдельные распоряжения, даже если они с ними не согласны. Аргументом здесь служило то, что в тех условиях у университета и государства был общий враг – революционное движение. А студенты, устраивающие беспорядки, не защищали корпоративные интересы, а являлись агентами Чернышевского, поляков и т.п.

Наиболее радикальные профессора требовали сделать университет открытым, т.е. превратить в некое подобие Коллеж де Франс, что фактически привело бы к ликвидации студенчества и сняло бы вопрос о корпоративной этике. Консервативная часть профессуры, напротив, требовала сохранения корпоративности в полном виде, со своими традициями, непрерывно передающимися от профессоров к студентам. Целью и наивысшим благом такой корпорации является наука, а пути ее достижения, т.е. добродетели – это навыки научного труда. В то время как в прессе эти вопросы получили теоретическое осмысление, в практической жизни они оборачивались этическими конфликтами.

Студенческие волнения в Петербурге осенью 1861 г. поставили профессоров перед выбором между корпоративной солидарностью (о политической солидарности речи не шло) и государственными интересами. При этом то, что университет является императорским учреждением, сомнений не вызывало. Поэтому профессора, которые не видели себя государственными чиновниками, подали в отставку – без малейшего давления со стороны правительства. Это не было демонстрацией, это было частным решением уйти со службы. Но в то же время эти действия были безусловно эмоционально окрашенным решением. Причем, наиболее ярко эти эмоции сказались в отношениях между близкими людьми, как например, между Кавелиным и его учеником Чичериным.

Итак, в начале 1860-х годов русские университеты оказались перед выбором дальнейшего пути: будет ли это открытый университет без каких-либо особых этических норм, либо это будет корпорация, соединяющая в себе обучающие и воспитывающие функции и строящаяся на особых этических принципах. Жизнь, как всегда, внесла свои коррективы, и дальнейшее развитие университетов пошло путем постоянного поиска компромисса между корпоративным устройством и включенностью в государственный аппарат.

Библиография

- Арсланов Р.А. К.Д. Кавелин: человек и мыслитель. М.: Изд-во РУДН, 2000. 376 с.
Барсов Н.П. Третье замечание о наших университетах // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 245. С. 1347.
Бекетов А.Н. Об университетах // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 236. С. 1403.
Вопрос об университетах // Современная летопись (Прилож. к журналу «Русский вестник»). 1861. № 45. С. 11–18.
Гессен С.Я. Студенческое движение в начале шестидесятых годов. М.: Всесоюз. об-во полит каторжан и ссыльно поселенцев, 1932. 142 с.
Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1979. Т. 19. 360 с.
Кавелин К.Д. Записка о беспорядках в С.-Петербургском университете, осенью 1861 г. // Кавелин К.Д. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. Стб. 1192–1206.

- Каплин А.Д. Предисловие // Лешков В.Н. Русский народ и государство. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 5–26.
- Корсаков Д.А. Константин Дмитриевич Кавелин. Материалы для биографии из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. 1886. Кн. 6 (июль). С. 21–39.
- Костомаров Н.И. Замечания о наших университетах (По поводу напечатанной в № 1 газеты «День» статьи Хомякова) // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 237. С. 1305–1306.
- Левандовский Т.Н. Грановский в русском общественном движении. М.: Изд-во МГУ, 1989. 272 с.
- Левин Ш.М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века. М.: Соцэкгиз, 1958. 512 с.
- Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Университетский устав 1835 г. // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 3. Т. I (Гуманитарные науки). С. 11–20.
- Педагог. Мысли о наших университетах // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 252. С. 1384–1385.
- Петров Ф.А. К.Д. Кавелин в Московском университете. М.: Христианское издательство, 1977. 142 с.
- Писарев Д.И. Сочинения: В 4 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 2. 432 с.
- Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902. СПб.: М-во нар. просвещения, 1902. 785 с.
- Соловьев С.М. Избранные труды. Записки. М.: Изд-во МГУ, 1983. 434 с.
- Спасович В.Д. Воспоминания о К.Д. Кавелине // Кавелин К.Д. Собр. соч.: В 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. Т. 2. Стб. VII–XXXI.
- Спасович В.Д. Пятидесятилетие Петербургского университета. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет своего существования. Историческая записка, составленная по поручению совета университета ординарным профессором по кафедре истории Востока В.В. Григорьевым. С.-Петербург, 1870 // Вестник Европы. 1870. Кн. 4. С. 312–345.
- Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804. СПб.: Тип. С.-Петербургской тюрьмы, 1901. 270 стб.
- Стасюлевич М.М. Другое замечание о наших университетах // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 241. С. 1325–1326.
- Сухомлинов М. Четвертое мнение о наших университетах // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 245. С. 1347–1348.
- Хомяков А.С. Об общественном воспитании // О старом и новом / сост., вступ. ст. и комм. Б.Ф. Егорова. М.: Современник, 1988. С. 222–239.
- Цыганков Д.А. Старое и новое в университетских конфликтах 1830–40-х годов // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2008. № 18. Т. 2. С. 74–78.
- Чичерин Б.Н. Воспоминания: В 2 т. М.: Изд-во Сабашниковых, 2010. Т. 2. 528 с.
- Эймонтова Р.Г. Российские университеты на грани двух эпох. М.: Наука, 1985. 350 с.
- Ястребцов И.М. Несколько слов о не-университетах // Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 257. С. 1406.

References

- Arslanov R.A. K.D. Kavelin: chelovek i myslitel' [Kavelin: the man and the thinker]. Moscow: Izdatel'stvo RUDN, 2000. 376 p. (In Russ.)
- Barsov N.P. Tre't'ya zamechanie o nashih universitetah [Third point about our universities]. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1861. N 245. P. 1347. (In Russ.)
- Beketov A.N. About universities [About universities]. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1861. N 236. P. 1403. (In Russ.)
- Chicherin B.N. Vospominaniya [Memories]. T.2. Moscow: Izd-vo Sabashnikovykh, 2010. 528 p. (In Russ.)
- Dostoevskij F.M. Poln. sobr. Soch: v [Complete works]: 30 vol. Leningrad.: Nauka, 1979. Vol. 19. 360 p. (In Russ.)
- Ejmontova R.G. Rossijskie universitety na grani dvuh epoch [Russian students on the verge of two epochs]. Moscow: Nauka, 1985. 350 p. (In Russ.)
- Gessen S.Ya. Studencheskoe dvizhenie v nachale shestidesyatyh godov [Student movement in the early sixties]. Moscow: Vsesoiuznoe obshchestvo politicheskikh katorzhan i sssl'no-pereselentsev, 1932. 142 p. (In Russ.)
- Kaplin A.D. Predislovie [Introduction]. Leshkov V.N. Russkij narod i gosudarstvo [The Russian people and the State]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii n, 2010. P. 5–26. (In Russ.)
- Kavelin K.D. Zapiska o besporyadkah v S.-Peterburgskom universitete, osen'yu 1861 [A note on the arrangements at St. Petersburg University, autumn 1861]. Kavelin K.D. Collected works: 4 vol. Saint-Petersburg.: Tipografiia M.M. Stasiulevicha, 1898. Vol. 2. Col. 1192–1206. (In Russ.)
- Khomyakov A.S. Ob obshchestvennom vospitanii [About public education]. O starom i novom [About old and New]. Moscow: Sovremennik, 1988. P. 222–239. (In Russ.)
- Korsakov D.A. Konstantin Dmitrievich Kavelin. Materialy dlya biografii iz semejnoy perepiski i vospominanij [Konstantin Dmitrievich Kavelin. Materials for a biography of the family correspondence and reminiscences]. Vestnik Evropy. [Bulletin of Europe]. 1886. Book 6. July. P. 21–39. (In Russ.)
- Kostomarov N.I. Zamechaniya o nashih universitetah (Po povodu napechatannoj v N 1 gazety «Den» stat'i Homyakova) [Comments about our universities (About the article published in N 1 of the newspaper «Day» by Khomyakov)]. Sankt-Peterburgskie vedomosti [Saint Petersburg Vedomosti]. 1861. N 237. P. 1305–1306. (In Russ.)
- Levandovskij T.N. Granovskij v russkom obshchestvennom dvizhenii [Granovsky in the Russian social Movement]. Moscow: MGU, 1989. 272 p. (In Russ.)
- Levin SH.M. Obshchestvennoe dvizhenie v Rossii v 60–70-e gody XIX veka [Social movement in Russia in the 60–70s of the XIX century]. Moscow: Socecgiz, 1958. 512 p. (In Russ.)
- Novikov M.V., Perfilova T.B. Universitetskij ustav 1835 g. [University Charter of 1835]. Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2012. N 3. T. I (Humanitarian sciences). P. 11–20. (In Russ.)
- Pedagog. Mysli o nashih universitetah [Thoughts on our universities] // Sankt-Peterburgskie vedomosti [Saint Petersburg Vedomosti]. 1861. N 252. P. 1384–1385. (In Russ.)
- Petrov F.A. K.D. Kavelin v Moskovskom universitete [K.D. Kavelin at Moscow University]. Moscow: Khristianskoe izdatel'stvo, 1977. 142 p. (In Russ.)
- Pisarev D.I. Sochineniya [Essays]: 4 vol. Moscow: Goslitizdat, 1955. Vol. 2. 432 p. (In Russ.)
- Rozhdestvenskij S.V. Istoricheskij obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya 1802–1902 [Historical review of the Ministry of Public Education]. Saint Petersburg: Ministerstvo narodnogo prosveshcheniia, 1902. 785 p. (In Russ.)

Solov'ev S.M. Izbrannye trudy. Zapiski [Selected works. Memoirs]. Moscow: MGU, 1983. 434 p. (In Russ.)

Spasovich V.D. Pyatidesyatiletie Peterburgskogo universiteta. Imperatorskij S.-Peterburgskij universitet v techenie pervyh pyatidesyati let svoego sushchestvovaniya. Istoricheskaya zapiska, sostavlenaya po porucheniyu soveta universiteta, ordinarnym professorom po kafedre istorii Vostoka V.V. Grigor'evym S.-Peterburg, 1870 [Fiftieth anniversary of St. Petersburg University. Imperial St. Petersburg University during the first fifty years of its existence. Historical note, compiled on behalf of the University Council, ordinary Professor at the Department of Oriental History V.V. Grigoriev St. Petersburg, 1870]. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1870. Vol. 4. P. 312–345. (In Russ.)

Spasovich V.D. Vospominaniya o K.D. Kaveline [Memories of K.D. Kavelin]. Kavein K.D. Collected works: 4 vol. Saint-Petersburg.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1898. Vol. 2. Col. VII–XXXI. (In Russ.)

Sravnitel'naya tablica ustavov universitetov 1884, 1863, 1835 i 1804 [Comparative table of university charters 1884, 1863, 1835 and 1804.]. Saint Petersburg: Tipografiya Sankt-Peterburgskoi tiur'my, 1901. 270 col. (In Russ.)

Stasyulevich M.M. Drugoe zamechanie o nashih universitetah [Another note about our universities]. Sankt-Peterburgskie vedomosti. 1861. N 241. P. 1325–1326. (In Russ.)

Suhomlinov M. Chetvertoe mnenie o nashih universitetah [The fourth opinion about our universities]. Sankt-Peterburgskie vedomosti [Saint Petersburg Vedomosti]. 1861. N 245. P. 1347–1348. (In Russ.)

Tsygankov D.A. Staroe i novoe v universitetskih konfliktah 1830–40-h godov [Old and New in the University Conflicts of the 1830s and 40s]. Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta [Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities]. T. 2. N 18. Moscow, 2008. P. 74–78. (In Russ.)

Vopros ob universitetah [Question about the university]. Sovremennaya letopis' (Prilozhenie k zhurnalu «Russkij vestnik») [The contemporary chronicle (Supplement to the magazine «Russian Bulletin»)]. 1861, N 45. P. 11–18. (In Russ.)

Yastrebcov I.M. Neskol'ko slov o ne-universitetah [A few words about non-universities]. Sankt-Peterburgskie vedomosti [Saint Petersburg Vedomosti]. 1861. N 257. P. 1406. (In Russ.)